Октября 21 (3 ноября)

Священномученик

Феодор Беляев

Священномученик Феодор родился 12 ноября 1867 года в селе Везгум Белозерского уезда Новгородской губернии в семье священника Евгения Беляева. В 1889 году он окончил Олонецкую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. Служил в Троицком храме села Улома Череповецкого уезда. Здесь же, по пришествии советской власти, был в 1919 году арестован Череповецкой ЧК, но вскоре освобожден.

В марте 1922 года прихожанам Троицкой церкви в селе Улома стало известно, что власти собираются прислать комиссию для изъятия церковного имущества. Власти к этому времени продемонстрировали всей России свою жестокость и лживость, и у большинства православных возникло впечатление, что не на помощь голодающим пойдет церковное достояние. Это предположение было недалеко от действительности: церковные вещи иногда оставались и у тех, кто непосредственно их изымал, и сама центральная власть широко жертвовала их – то на подарки 1-й Конной армии, то на содержание государственных чиновников, то на дополнительные выплаты членам комиссии по изъятию ценностей.

Прихожане храма, в основном женщины, решили создать свою комиссию по защите храма. На воскресенье, 26 марта, было назначено собрание членов совета общины, которое должно было переизбрать председателя совета и решить хозяйственные вопросы, связанные с приближающимся праздником Пасхи. Однако женщины решили провести свое собрание, где главным вопросом был грядущий приезд комиссии по изъятию церковных ценностей. Чтобы не ставить под угрозу совет общины, его членам было велено удалиться, священник, который был в то время председателем совета, также не был приглашен, он служил в это время заказной молебен в передней части церкви. Собравшиеся сразу выбрали председателя собрания – образованную, энергичную и глубоко верующую женщину Ольгу Васильевну Левину. Первым и единственным вопросом, обсуждавшимся на собрании, был вопрос об изъятии ценностей. Были внесены предложения, что если придут отбирать ценности, то звонить в колокола, чтобы всей волостью встать на защиту храма, а если будут отбирать силой, то оказать физическое сопротивление. После обсуждения решили избрать комиссию по защите ценностей и во время изъятия послать по деревням нарочных для оповещения. На собрании присутствовали женщины из многих деревень, и от лица прихожан почти двадцати деревень были составлены приговоры, что жители их не согласны отдавать церковные вещи.

После собрания Ольга Васильевна с женщинами пошли к о. Феодору и сообщили, что ими создан женский приходской совет, цель которого поддерживать чистоту в храме, наблюдать за порядком и охранять церковные ценности. Отец Феодор одобрил создание совета и инициативу верующих, которые, по его мнению, и должны были держаться своего самостоятельного решения, исходя из того, насколько дорог им храм, насколько велика в них православная вера.

28 марта среди жителей волости прошел слух, что в Улому приехала комиссия из Череповца, которая вскоре намерена приступить к изъятию ценностей из храма. В одной из деревень ударили в набат, в некоторых деревнях появились нарочные, которые стали призывать крестьян идти в Улому защищать храм. Вскоре перед зданием Уломского волостного исполкома собралась толпа в две тысячи человек, в основном женщин, которые стали требовать комиссию и кричать, что они ни в коем случае церковных ценностей не отдадут. Это было около трех часов дня.

Между тем о. Феодор в этот день в семь часов утра уехал из села за дровами; вернувшись домой, он поехал отпевать младенца в соседнюю деревню, а оттуда – в другую деревню крестить ребенка и освободился далеко за полдень. Проезжая по селу, он увидел, что перед исполкомом собралась огромная толпа. Дома супруга сказала, что там обсуждают всех работников исполкома.

Через некоторое время к священнику прибежал нарочный из исполкома и велел, чтобы о. Феодор срочно шел с ним. В исполкоме от о. Феодора потребовали, чтобы он немедленно вышел к народу, успокоил его и объяснил, что бессмысленно окружать исполком, поскольку изъятие ценностей сейчас проводиться не будет; они попросили священника убедить собравшуюся толпу согласиться с необходимостью изъятия ценностей из церкви.

Отец Феодор отказался, сказав, что если он даже и выйдет, то ничего из этого не получится, так как верующие сочтут, что священник так говорит, потому что запуган, и не послушаются его.

Тогда к толпе вышел представитель власти. Некоторое время его слушали, а потом стали прерывать криками. Собравшиеся заявили, что никаким речам представителей власти не верят, и пусть лучше выйдет к ним батюшка и все объяснит.

Оратор вернулся в волостной исполком и предложил о. Феодору выйти к толпе и сказать, что сейчас изъятия ценностей не будет; к моменту изъятия должен прибыть специальный уполномоченный из Череповца, о чем верующие будут своевременно извещены. Священник отказался. Рассерженные сотрудники исполкома стали спрашивать у священника, говорил ли он в храме проповеди о необходимости пожертвований, о том, чтобы отдать без пользы лежащие в церкви ценности, поскольку миллионы людей голодают, а десятки тысяч умирают от голода – ведь с призывом к пожертвованиям обратились высшие служители христианской религии, знает ли об этом священник.

– Не стоит и говорить, – ответил о. Феодор, – газет я не читаю и никаких воззваний не знаю.

В это время толпа вплотную придвинулась к зданию, и некоторые женщины стали уже проходить внутрь. Священнику в категорической форме было приказано, чтобы он вышел к народу. Отец Феодор ничего не ответил, он прошел в другую комнату, где собралось в это время человек двадцать женщин, и, обращаясь к ним, сказал:

– Вот сейчас говорят, что вы не знаете, что есть голодные, и ничего не жертвуете; что ж, надо жертвовать.

В ответ женщины стали кричать, что они все время жертвуют и почти все отдали.

Священник на это сказал:

– Вот сейчас здесь говорят, что не все из церкви возьмут, а только лишнее.

Сказав это, он повернулся и ушел домой. Толпа стояла, не расходясь, наводя страх на волостные власти; был вызван отряд милиции, который рассеял толпу.

В тот же день председатель Уломского волостного совета составил рапорт: «Мне как председателю пришлось вызвать в волисполком священника, которому было предложено убедить массы и разъяснить цель изъятия из церквей некоторых драгоценностей, но поп или по незнанию, или по нежеланию, этого не сделал, тогда вся толпа в количестве до 2000 человек обступила волисполком и не позволяла присутствующим в нем членам и служащим, а также членам из местного коллектива, находящимся здесь, выйти из помещения в течение от трех до четырех часов. Волисполкому никаких объяснений высказать было нельзя под криком и угрозами озверелой толпы, в которой появились даже и мужики.

При сем прилагаю список руководителей этого поистине безобразного и контрреволюционного дела, которых прошу привлечь к самой строгой ответственности через Ревтрибунал.

Никаких материалов больше прилагать не нахожу нужным, и дело это нужно выполнить быстро без юридической законности и разбора, как этого требует наш голодный брат Поволжья.

Словами призывать к сознательности нет никакой возможности, да в настоящий момент и некогда, и тем более что они все весьма давно об этом знают... Чтобы заставить, уговорить массу, нужно слово пастыря церкви, но пастырь почему-то в этот день уехал за дровами, и потому прошу принять строгие меры к уломскому священнику, создающему контрреволюционное выступление...»

На следующий день, 29 марта, власти арестовали священника Феодора Беляева, Ольгу Васильевну Левину, членов церковного совета Алексея Терентьевича Парсакова, Трофима Ефимовича Николаева, Василия Васильевича Матвеева, Ивана Ивановича Лукичева, Ивана Петровича Уткина и его сына Петра; все арестованные были заключены в Череповецкую тюрьму. Таким образом власти, несмотря на предусмотрительную осторожность женщин, арестовали священника, церковный совет и председателя женского совета защиты храма. Начались допросы. На вопросы следователя священник ответил:

– Отдавать церковное имущество – дело верующих, а не служителей церкви, никаких мер к успокоению граждан мною принято не было, так как я в это время был в отлучке, но хотя бы и был, то ничего бы не предпринял. Когда я был в Весьегонске 24 марта, то слыхал, что и там постановили ценности не отдавать, а жертвовать кто чем может...

После допроса о. Феодор счел нужным обозначить свою позицию, касавшуюся предметов, имеющих богослужебное значение, и написал: «...Я стою за то, что святыне подобает благолепие, и Святые Дары должны быть обязательно в драгоценных сосудах, если они есть, распорядиться – отдать или не отдать сосуды и вообще церковное имущество – вправе верующие, не служитель культа».

Через некоторое время снова состоялся допрос; о. Феодор на вопрос о происшедших в Уломе событиях ответил:

– По существу происшедшего... могу показать следующее: на 26 марта было назначено общее собрание членов совета общины верующих при уломской Троицкой церкви, на каковом собрании должны были обсуждаться вопросы: о пасхальном вознаграждении духовенства и о продаже свечей. Так как вопрос касался вознаграждения духовенства, то мы, члены причта, на собрание не были

приглашены. В воскресенье, 26 марта, после обедни, в то время, когда я служил молебен в передней части церкви, в задней половине собрались люди. Но кто находился в этой массе, сказать не могу, так как я прошел мимо и люди стояли ко мне спиной. Что было на собрании, я не могу сказать, о решении собрания я узнал от пришедших ко мне женщин, которые заявили, что они избраны в женский приходской совет, цель которого – наблюдение за чистотой в церкви, за тишиной и порядком. Я со своей стороны только приветствовал такое решение, так как чем больше будет совет, тем лучше – будет кому следить за тишиной в церкви, наблюдать чистоту и порядок и за охраной ценностей.

– Чем вызвалась необходимость создавать такой женский совет, а тем более его последняя функция, указанная в протоколе, охрана ценностей? – спросил следователь.

– Полагаю, что это вызвано слухами об изъятии ценностей в пользу голодающих.

– Что, по-вашему, означает «охрана ценностей»?

– Вообще, чтобы ценности были целы от взятия кем бы то ни было.

– Что вами было сделано, чтобы успокоить толпу?

– Мной было сказано толпе, что изъятия ценностей еще нет, а если и будет взято, то не все – необходимое будет оставлено для богослужения.

– Откуда вы знаете, что в таком порядке будут изъяты ценности?

– По слухам, так как никакого распоряжения от местных властей не было, точно так же не знали постановлений центрального правительства. Кого-либо в агитации против изъятия ценностей я не замечал и не слыхал.

Ольга Левина, будучи допрошена следователем, сказала:

– Дело было в воскресенье, 26 марта. Мы, женщины, еще раньше говорили о чистоте храма, и слухи были об изъятии вещей из храма, но кем распространялись слухи, мне не было известно. Но мы, женщины, говорили между собой, когда приедет комиссия, то вещи не отдадим, а предложим собрать посильно помощь среди прихожан продуктами и попросим дать представителя от голодающих и послать скорей голодающим продукты. А вещи оставить для ремонта храма. Выбрали меня председателем совета. Уговорились так: когда придут к церкви за вещами, то дать мне знать через сторожа, и я приду туда... Я хотела с ними поговорить от имени женского собрания об оставлении церковных вещей, о замене таковых посильными пожертвованиями продуктами. И если бы комиссия не согласилась на мое предложение, то я хотела просить комиссию об отсрочке изъятия ценностей дня на три, когда соберется весь приход и решит – давать или не давать. Так было решено женским собранием. Часа в три или четыре пришел мальчик и сказал, чтобы я пошла в Улому. Я оделась и пошла. Пришла и вижу: у церкви порядочная толпа народу, я спросила, зачем вы собрались, кто вас звал. Они ответили, что сами пришли. Я спросила собравшихся, что у них вышло, что вдруг собрались. Женщины мне говорят, что мы сидели в келье, и к нам приходят и говорят, что арестовали священника.

– Как вы поступили после этого с исполкомом?

– Я сама лично не была в это время, когда женщины были в исполкоме, но слышала от женщин, когда пришла из дому, которые сказали мне, что мы с исполкомом поругались как следует.

– Кто приказал или, вернее, подсказал Волнухиной позвонить в колокол?

– Погорячилась. Кто ей велел звонить – не знаю.

17 мая 1922 года в Череповце состоялось заседание Губернского Революционного трибунала, на котором разбиралось дело восьми обвиняемых. В конце дня Ревтрибунал зачитал приговор: «Лукичева Ивана Ивановича, Череповецкого уезда и губернии, Уломской волости деревни Попадьино, сорока семи лет, из крестьян, члена церковного совета,

Матвеева Василия Васильевича, той же волости деревни Федосово, сорока трех лет, из крестьян, члена церковного совета,

Николаева Трофима Ефимовича, той же волости деревни Коротово, пятидесяти одного года, из крестьян, члена церковного совета,

Уткина Ивана Петровича, той же волости деревни Песье, семидесяти двух лет, из крестьян, члена уломского церковного совета – лишить свободы сроком на два года с применением общественно-принудительных работ каждого, но, принимая во внимание их малосознательность и низкий культурный уровень, – наказание считать условным, но лишить активного и пассивного избирательного права на три года каждого.

Уткина Петра Ивановича, Череповецкой губернии и уезда, Уломской волости деревни Песье, сорока трех лет, из крестьян, подвергнуть лишению свободы в доме заключения сроком на полтора года и лишить избирательных прав после отбытия наказания на два года.

Парсакова Алексея Терентьевича, Череповецкой губернии и уезда, Уломской волости деревни Коротово, шестидесяти двух лет, из крестьян, члена уломского церковного совета заключить в дом заключения с лишением свободы сроком на три года и лишить избирательных прав сроком на три года после отбытия наказания.

Беляева Федора Евгеньевича, Череповецкой губернии и уезда, Уломской волости, деревни Улома, пятидесяти четырех лет, священника уломской церкви и председателя церковного совета заключить в исправдом на четыре года.

Левину Ольгу Васильевну, Череповецкой губернии и уезда, Уломской волости, деревни Клопузово, сорока одного года, заключить в исправдом сроком на пять лет и лишить выборных прав на три года после отбытия наказания». (Ольга Васильевна была вдовой, на ее иждивении осталось двое детей – сын Василий десяти лет и дочь Вера восьми лет.)

После освобождения о. Феодор вернулся служить в то же село, но в 1931 году снова был арестован за невыполнение произвольно назначенной нормы хлебозаготовок и приговорен к пяти годам ссылки.

Вернувшись из ссылки в 1933 году, о. Феодор поступил служить в Макарьевский храм села Макарово Егонского сельсовета Весьегонского района Тверской области.

Таким был путь православного пастыря во время гонений: из пятнадцати лет церковного служения, с 1918 по 1933 год, восемь лет он нес крест исповедничества, пребывая в заключении и ссылке. Когда о. Феодор вернулся из ссылки, он, уже не имея ничего своего, ни дома, ни имущества, жил в церковной сторожке вместе со сторожем, глубоко верующим православным человеком. Семья – четыре дочери и три сына, были самостоятельны и жили кто где устроился, супруга Лариса Михайловна – в Весьегонске.

Отец Феодор всю свою жизнь ревновал только о храме и службе и ничего не боялся; когда не стало хватать средств на содержание храма и на дрова, потому что власти обложили приход налогами, он сам пошел собирать деньги среди

прихожан. Сельсовет донес об этой деятельности священника в соответствующее учреждение, но тогда дело осталось без последствий.

В конце 1936 – начале 1937 года власти начали новое гонение на Православную Церковь, и 17 марта сельсовет закрыл храм. Отец Феодор в тот же день стал добиваться открытия храма, объясняя членам двадцатки и верующим, что храм закрыт незаконно. Он написал жалобу во ВЦИК и сам собрал под ней подписи верующих. А пока храм был закрыт, он ходил по домам прихожан – служил молебны и совершал требы.

Через месяц сельсовет объявил, что на территории деревень, прилежащих к Егонскому сельсовету, началась эпидемия сыпного тифа, и священнику было запрещено ходить по домам. Это была явная ложь, и о. Феодор продолжал ходить по селам и деревням, неся людям слово Божие и благодатные таинства. Увидев, что этими средствами урезонить его не удастся, власти наладили против него следствие, но оно опять кончилось ничем.

Бывало, когда о. Феодор приходил в сельсовет платить налоги, председатель принимался его убеждать, что Бога нет и религия это обман, пытался уговорить его оставить все церковное и священническую службу. Но в своем исповедании православия о. Феодор был тверд и на безумные глаголы всегда так отвечал:

– Веры я никогда не оставлю и умру на службе священником.

8 октября 1937 года о. Феодор был арестован и заключен в тюрьму в Весьегонске. Тогда ему было уже семьдесят лет. При аресте взяли последнее, что у него оставалось, – девятнадцать книг духовного содержания и портрет Иоанна Кронштадтского; святой праведный Иоанн не раз проезжал теми местами, где служил о. Феодор.

В течение двух дней, 12 и 13 октября, состоялись допросы «свидетелей» – колхозного бригадира и колхозников. Выбирались, конечно, свидетели неверующие и нецерковные, которые могли дать показания в соответствии с пожеланиями сотрудников НКВД. Но авторитет о. Феодора среди народа был столь велик, что никто не хотел наговаривать лишнего. На вопросы следователя отвечали так:

– В 1935 году в момент снятия колоколов с Макарьевской церкви Беляев мобилизовал верующих для препятствия удалению колоколов. В момент зернопоставок государству 1936 года Беляев в церковной сторожке говорил, что советская власть путем заготовок у колхозников отбирает весь хлеб, а колхозникам оставляет только отбросы. В то же время говорил, что колхозы организованы для того, чтобы советская власть имела возможность ими распоряжаться против воли народа. Летом 1937 года, когда я был на косьбе клевера, мимо меня проходил Беляев, который сказал, что хорош вырос клевер, но не для колхозных лошадей, а для советской власти. В июне и июле месяце 1937 года я неоднократно встречался в Егонской лавке с Беляевым, который ввиду временного перебоя вольной продажи хлеба говорил, что ну вот, колхознички, осенью хлеб отдаете государству, а весной за килограммом стоите в очереди целыми днями. Дополняю, что в апреле месяце, в момент моего случайного нахождения в церковной сторожке, Беляев говорил со своим сторожем о том, что советская власть насильно, против воли народа закрывает церкви с целью препятствования верить православным. В том же месяце он негласно мобилизовал церковный совет на сбор подписей от окружающего населения о восстановлении службы в Макарьевской церкви.

Другая свидетельница показала:

– В марте месяце 1937 года Макарьевская церковь была закрыта, после чего Беляев говорил, что советская власть преследует вероисповедание, то есть насильно, против воли народа закрывает церкви, причем Беляев негласно собирал церковные собрания верующих в помещении церковной сторожки и агитировал о сборе подписей по домам от населения, чтобы разрешили церковную службу, вследствие чего верующие кулаки, например, церковный сторож и другие, ходили по селениям, в то же время Беляев и сам этим делом занимался.

15 октября следователь допросил о. Феодора:

– Проживая в деревне Макарово Егонского сельсовета, вы систематически вели контрреволюционную агитацию, выступали против проводимых хозполиткампаний. Признаете ли вы это?

– Антисоветской агитации я не вел, против проводимых хозполиткампаний я не высказывался.

– В 1935 году при изъятии колокольной бронзы в церквях и в апреле месяце 1937 года вы на почве религиозных убеждений создавали недовольство среди населения, настраивали его против советской власти, при этом вели антисоветскую агитацию. Расскажите следствию, в связи с чем это вы проводили контрреволюционную деятельность?

– Разговора о снятии колоколов в церкви с моей стороны я не помню, но насчет закрытия церквей разговор в сторожке в апреле 1937 года был. Я тогда говорил, что скоро все церкви закроют, а верующим советская власть веровать запретит.

– При выполнении зернопоставок колхозниками летом 1936 года и в июне 1937 года вы вели антисоветскую агитацию против государственных зернопоставок, при этом высказывались в контрреволюционной форме. Припоминаете ли вы это?

– Я этого припомнить не могу, потому что антисоветской агитации я не вел.

– Летом 1937 года, в июне и в июле, на почве временного перебоя в торговле хлебом, вы, бывая в лавке Егонского сельпо, неоднократно высказывали антисоветские взгляды, создавали недовольство среди населения. Расскажите, как вы высказывались у Егонского сельпо.

– У Егонской лавки летом 1937 года в момент перебоев в торговле хлебом, это было в июне и июле, я неоднократно говорил среди населения, что раньше при царе было всего много, и хлеб был, а теперь при советской власти хлеба не стало, приходится в очереди стоять. Кроме этого я ничего не говорил.

На этом допрос был закончен; в тот же день было составлено обвинительное заключение и отправлено на рассмотрение Тройки НКВД. 1 ноября Тройка постановила о. Феодора расстрелять. Священник Феодор Беляев был расстрелян через день, 3 ноября 1937 года.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 300-307